

DOI: 10.31168/2619-0869.2022.2.11

Две новые иллюстрации из донесений В.М. Тяпкина к истории польско-русских культурных связей XVII в.

Арсений Владимирович Богатырев

Независимый исследователь,
Тольятти, Российская Федерация; e-mail: sob1676@yandex.ru

Ключевые слова: В.М. Тяпкин, польский язык, русский язык,
XVII в., перевод

Two New Examples from Vasily Tyapkin's Reports Concerning the History of Polish-Russian Cultural Ties of the 17th Century

Arseniy V. Bogatyrev

Independent researcher,
Tolyatti, Russian Federation; e-mail: sob1676@yandex.ru

Keywords: Vasily Tyapkin, Polish language, Russian language,
17th century, text translation

Потенциал рапортов дипломатов как источника информации о внешнеполитических делах активнейшим образом используется в научных исследованиях. Учитывая характер ресурса, это представляется вполне естественным, но если копнуть чуть глубже, можно отыскать слои данных иного свойства. Похожим образом, к примеру, обстоит дело с документацией первой русской «резидентуры» в Речи Посполитой В.М. Тяпкина. Ее анализ дает ответы на разные вопросы, наблюдение над этим материалом позволяет проследить

связь с поэтической мыслью Симеона Полоцкого, увидеть движение идей и их заимствование в творчестве «государственных мужей» Речи Посполитой.

Вышеперечисленное имеет отношение к открытому нами среди реляций Тяпкина произведению «Перевод списка записи, какову дали новообранному Яну, королю полскому, Андрей Требицкой, бискуп краковской, Ян Генбицкой, бискуп плоцкой, с товарищи при присяге королевской в нынешнем 1674 году»¹ (далее — «Запись»). Сочинение касается вступления на престол Речи Посполитой «вельможи века» — Яна III Собеского в 1674 г., подписано именами епископов Анджея Завиши Тшебицкого и Яна Гембицкого. Нашим вниманием завладела строчка, объяснявшая возложение венца на нового монарха его деяниями, которые «златые путы на сердца всех и языки [...] зложили»².

«Златые путы» — довольно известный оборот речи, связанный в те времена в большей степени со сферой брачной, любовной («złote pęta, kajdany, okowy i łańcuchy miłości»³). Область чувств поэт XVII в. Самуэль Твардовский называет не иначе как «сладкая неволя и златые оковы»⁴. Параллель в данном случае не кажется простым совпадением — в том же переводе из документов миссии Тяпкина Речь Посполитая после смерти короля Михаила Вишневецкого именована «овдовевшей»⁵; таким образом, восшествие монарха превращалось в «свадьбу» — венец любовно-брачных отношений.

Интерпретируя эмоциональный посыл изречения, нужно помнить, что понятие *pęta*, 'путы' воспринималось и в негативном ключе, как «невольничьи путы», «не злотые на сердце княжны кайданы несчастливый час вложил»⁶. Также и у Збигнева Морштына (ум. 1689) — «на сердце оковы» («na serce pęto; zkad więzień nie powu»⁷). В то же время в поэтической подборке Якуба Теодора Трембецкого (XVII в.) читаем о «золотых путах набожности» («Złote Pobożności Pęto»⁸). В России до открытия перевода «Записи» 1674 г. среди наиболее ранних примеров использования схожего выражения можно припомнить поэтическое сравнение из «Обеда душевного» (изд. 1681 г.) Симеона Полоцкого, имевшее, впрочем,

несколько иной смысл: «Да не како поработит вас Мамона и златыми оковы окует сердца ваша»⁹.

Следующий любопытный образец красноречия из «Записи» описывает процедуру избрания государя Польско-Литовского государства, выборной монархии, когда «паки зерни м(е)танием в короля произыти [...]»¹⁰. Зернь, как известно, представляет собой разновидность азартной игры, кидание костей. Всячески порицалась в России, ассоциировалась с кабацкой жизнью, пьянством и разнузданностью¹¹. В русских текстах зернь, как правило, не *метали*, ею *тешились*, *играли*¹². Со времен Тяпкина дошел только один известный речевой эпизод с метанием зерни, с которым знакомимся в «Вертограде многоцветном» (1678 г., цикл «Праздник») Симеона Полоцкого: «картами играние, зерней метание»¹³. На Руси имели хождение как обозначение *зернь*, так и слово *кость*¹⁴ (пол. *gra w kości*), поэтому мотив, которым руководствовались авторы (автор) перевода в выборе именно лексемы *зернь*, до конца не ясен.

Сходным образом относились к развлечению и в Речи Посполитой, где такой вид досуга, несмотря на порицание со стороны Церкви и уничижительные характеристики, был распространен. В соединении с выборами правителя находим название игры у Кшиштофа Варшевицкого, талантливого оратора и писателя XVI — начала XVII вв. Он отозвался об элекции как о подлинной игре в кости: хоть в отчизне и есть добрые люди, но предостаточно плохих и развращенных, которые через подобную практику приобретают возможность творить дела государства¹⁵.

Ситуация с игрой в кости в переводе «Записи» несколько иная — «метание зерни» рассматривается как бросание жребия, передача права «почетного броска» судьбе, случаю: «Но на три дни протянув разсуждение, сенатори и народ полской и Великого княжества Литовско(го) согласными желанми и со жребствованми короля своего [...] изберут»¹⁶. На первый план выдвигается фигура Фортуны, которую Кшиштоф Опалинский прямо сравнивает с игроком в кости¹⁷, вмешивающимся в «великое дело века». Персона

римской богини удачи вообще довольно частая гостья на страницах политических, «сеймовых» произведений XVII–XVIII вв.¹⁸ В то же время Каспер Мясковский (ок. 1549–1622) предупреждал, что для опытных шулеров результат жеребьевки при помощи игральных костей вполне предсказуем¹⁹.

Перечисленное выше интересно высвечивает семантику термина *зернь* в русской языковой традиции. Значений, аналогичных понятиям *судьба*, *случай*, в специальных изданиях XVII в. за данным словом не закреплено²⁰. Таким же образом обстоит дело и с лексемой *кость* / *кости*, при этом о костях в качестве инструмента гадания находим свидетельство 1692 г.²¹ И лишь с 1716 г. словосочетание «кидать / метать кости» получит «судьбоносное» истолкование²².

Однозначно утверждать, что рассмотренные нами два выражения задержались в русской речи именно благодаря переводу, сохранившемуся в архиве первой русской «резидентуры» в Речи Посполитой, мы не можем. Для этого необходимо привлечь дополнительные ресурсы, более основательно погрузиться в тему. Опираясь на рукописи Тяпкина, мы чуть больше узнаем о ранних обстоятельствах, сопровождавших процесс вхождения указанных «острословий» в русский язык, регистрируем изменения их семантической составляющей, подробнее знакомимся с особенностями работы политических писателей XVII в.

Примечания

- ¹ Российский государственный архив древних актов (РГАДА). Ф. 79. Оп. 1. Д. 163. Л. 28–35об.
- ² Там же. Л. 30.
- ³ Polskojęzyczna poezja ukraińska od końca XVI do początku XVIII wieku / red. R.P. Radoszewskij. Kraków, 1996. Cz. 1. S. 248.
- ⁴ *Twardowski S.* Daphnis drzewem bobkowym. Lublin, 1638. S. 29.
- ⁵ РГАДА. Ф. 79. Оп. 1. Д. 163. Л. 28.
- ⁶ *Pamiętniki o wojnach kozackich za Chmielnickiego.* Wrocław, 1840. S. 10.
- ⁷ *Morsztyn Z.* Poezycze. Poznań, 1844. S. 103.
- ⁸ *Trembecki J.T.* Wirydarz poetycki. Lwów, 1911. T. 2. S. 397.
- ⁹ Цит. по: *Робинсон А.Н.* Борьба идей в русской литературе XVII в. М., 1974. С. 260.
- ¹⁰ РГАДА. Ф. 79. Оп. 1. Д. 163. Л. 30.

- 11 *Илюшин А.А.* С польского на славяно-русский (к проблеме перевода *Carminum variegatum* Симеона Полоцкого) // Советское славяноведение. 1990. № 1. С. 92.
- 12 *Словарь русского языка XI–XVII вв.* / сост. Н.Б. Бахилина [и др.]; гл. ред. С.Г. Бархударов. М., 1978. Вып. 5. С. 385.
- 13 *Русская силлабическая поэзия XVII–XVIII вв.* / вступ. ст., подгот. текста и примеч. А.М. Панченко; общ. ред. В.П. Адрианова-Перетц. Л., 1970. С. 145.
- 14 *Словарь русского языка XI–XVII вв.* / сост. В.Я. Дерягин [и др.]; гл. ред. Ф.П. Филин. М., 1980. Вып. 7. С. 374.
- 15 *Tarnowski S. Pisarze polityczni XVI wieku.* Kraków, 2000. T. 1. S. 648.
- 16 РГАДА. Ф. 79. Оп. 1. Д. 163. Л. 30.
- 17 *Opaliński K. Satyry.* Kraków, 1884. S. 246.
- 18 *Ostrowski-Danejkowicz J. Swada polska y tacińska albo Miscellanea oratorskie sey-mowe.* Lublin, 1745. T. 1. S. 4, 48, 187.
- 19 *Miaskowski K. Zbiór rytmów* / wyd. A. Nowicka-Jeżowa. Warszawa, 1995. S. 345.
- 20 *Словарь русского языка XI–XVII вв.* Вып. 5. С. 385.
- 21 *Словарь русского языка XI–XVII вв.* Вып. 7. С. 374.
- 22 *Словарь русского языка XVIII в.* / гл. ред. Ю.С. Сорокин. СПб., 2001. Вып. 12. С. 154.

DOI: 10.31168/2619-0869.2022.2.12

Вопрос о полонизмах в «Логике» Макария Пётровича*

Алина Сергеевна Алексеева

ИРЯ им. В.В. Виноградова Российской академии наук,
Православный Свято-Тихоновский гуманитарный университет,
Русская христианская гуманитарная академия;
e-mail: alevtina.sergeevna@gmail.com

Ключевые слова: Макарий Петрович, логика, полонизмы, терминология

---

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФ в рамках научного проекта № 18-78-10051, «Византийский фактор в формировании русской логической традиции».